

ТОЧКИ НА ГЛОБУСЕ

СЮИТА С ПРОДОЛЖЕНЬЕМ

ИЗ
АМЕРИКАНСКОЙ
ТЕТРАДИ

ПИСЬМО

Е. Ф. Ж.

Нью-Йорк – очень странное место, поверьте.
Нигде я не видел такой круговерти.
Не город, а горы..... Не сказка – но чудо.
Давайте-ка вместе побродим покуда.

В ущельях Нью-Йорка, Вы знаете, жарко,
И масса зверей, как в садах Зоопарка:
в ущельях Нью-Йорка живут крокодилы,
питоны, бизоны, жирафы, гориллы,

да что – бегемоты встречаются, тигры
справляют свои полосатые игры,
и даже однажды я встретил слона –
невероятная, право, э-э-э... спина.

Чего только нет по ущельям Нью-Йорка...
Здесь мира Пальмира, и мира задворки.
По этим ущельям гуляют народы
в любые часы, и в любую погоду.

И в этих ущельях нечисто и пыльно,
и в этих ущельях жратва изобильна:
тут в каждой углубине каждой скалы –
реклама, девицы, лотки и столы.

Вот звёзды оттуда, увы, не видны.
И плохо с луной – там не видно луны.
В ущельях Нью-Йорка – какая луна
в неоновых джунглях? – луна не нужна...

А может – затем что дома высоки...
В ущельях Нью-Йорка живут сквозняки.
Живут сквозняки по ущельям Нью-Йорка
(он тесен для них, как конурка... коморка),

и гонят они от скалы до скалы –
народы, рекламы, девиц и столы.
Проносится всё по ущельям Нью-Йорка,
не держит ни цепь, ни бревно, ни подпорка,

ничем сквозняки невозможно унять –
уходят они... и приходят опять.
Занятно, что в эту лихую погоду
всё ходят и бродят в ущельях народы,

как-будто они продолжают игру,
как-будто – что Вы? – в этот замкнутый круг
любому прийти – безусловный пустяк,
а выйти нельзя, невозможно никак:

по кругу несут и несут сквозняки...
И слышатся рваного ритма куски:
как будто бы тихо так, слабо так... Но – постоянно...
откуда-то глухо так, рокотно так...
но гудут... барабаны.

Нью-Йорк, март 1983

ЗАКАТ? ... РАССВЕТ?

Закат спокойный и рассвет лимонный...
И на рассвете кочевые облака –
на Западе, горами обнесённом,
и густо-розовой каймой на небе сонном
горит всю ночь в горах таившийся закат.

Ночь... Ночь на свете – как пещера, глубока.
Там, в толще ночи – дни, как рыбины, скитаются:
зорь фантастический узор на плавниках,
и утра вкраплены в пятнистые бока,
и в знак того, что так задумано в веках, –
рассвет закатом затаённым отзывается.

Всё ночью кажется томительно неплоским,
всё выпукло – звезда, гора, земля...
Вода – на тёмном тёмная полоска.
И свет живёт в ночи, лучами шевеля.

А день... Днём небо делается мелким,
голубоватым. К тому ещё – жара...
Долина вдавлена, и видится с утра
лишь заготовкой удивительной тарелки
на верстаке немого гончара.

Гранд Форкс, август 1984

* * *

Закат спокойный и рассвет лимонный
разодинчит от глотка и до глотка
простенок ночи – как ни коротка –
и... утро катит колесо по склону.

Перед рассветом – кочевые облака
на Западе, горами обнесённом,
и густо розовеет в небе сонном
всю ночь скитавшийся в горах закат.

Позднее краски пропадут на жёстких,
голубеньких и мелких небесах.
Земля – теплей, шершавей доски,
и глина – тяжелее на весах.

И всё, на что не ляжет взгляд с утра, –
напоминает мастерскую Гончара...

Нью-Йорк, сентябрь 1984

ЗИМА ВО ФЛОРИДЕ

Прилив. Косые волны. Пена.
Песок наматывая на песок,
вода с расшаркиванием степенным
накатывается наискосок.

Во весь огляд – зелёная палитра,
лишь отликает лиловатым вдалеке,
и чайки всякого калибра
сидят в разбивку на песке,

как статуэтки...

Против ветра
установили кривые клювы,
и смотрят неподвижным светлым
холодным взором... Волны с хлюпом

играют брызгами у них под боком,
не в силах птичьё разогнать тоску.
Что видит нелюдское око?
И что приковывает птиц к песку?

Вода подыметя и вновь убудет.
Отливом унесёт закат...

.....
.....

.....
.....

Приходят и уходят люди,
а чайки – на песке сидят...

Майами-Бич, 1985

ХОЛОДА

В тот год осталось на деревьях много листьев,
и всё никак не наступали холода.
Зато – как славно было утро взять за кисть
и пробираться над бесстрастными водами,
глазеть на небо, отражённое в пруду,
на старый дуб, и на шальную чехарду
проворных белок, в чьих отточенных движениях
поклон насмешливый земному притяженью ...

Неодолима эта тягостная власть,
необорим ея закон первособорный.
И эти листья запоздало-бурой масти
висят – зачем? Уже подписан приговор...
Знать что-то есть в ветвях такое – в их сплетеньи –
над чем нет власти у закона тяготенья.
Так в чём загадка?.. Что сложить, и с чем сложить?
Быть может, надо это чем-то заслужить –
чтоб жить, как листья... После ветра –
жизнь ...

Принстон, 1999

* * *

А в эту зиму – не было Зимы:
деревья сбрасывали платье сообразно
холодным веяньям, и были безобразны
(в ошмётках гадкой и неряшливой тесьмы)
их части нижние, куда не достигали
распоряжения природной смены фаз.
Но выше пояса зато ласкали глаз
их наготы небрежной стройные детали.

Наперекор законам Логоса, числа ли,
спешили рано расцвести и зеленеть,
чтоб безвременье года стало на планете
обычаем... Тогда – зима пришла.
И после так болели веточки и ветки,
так ныли корни, корчась в толще темноты...
Речушка льдинками выделявала нотки,
и приходилось ампутировать цветы.

Монро, 2002

БЭДЛЯНДИЯ (сказка)

Дурные Земли (Южная Дакота).
Дремучим зноем изнурён
там Некий спал. Весь день.
Его дремота
была исполнена видений –
роскошные цветные сны
на грани бреда или «новизны».
И наконец проснулся он...

в ином краю
среди чужих владений,
среди сплошных нагромождений
огромных сколотых ступеней –
по ним сварливую струю
ведут крутые водопады,
и в складках каменной громады
скрывают до иных времён
(чтоб впечатленье довершить)
закон незыблемых вершин.
Вдруг – эту запись понял он.
И в шуме плещущей, клокочущей воды
ему прислышался – как зноя звон,
как прозвенела тень от дыма –
издалека, из детства, из когда-то
вольный голос Гайаваты:
здесь исполненный отваги,
быстроногий Гайавата
с веткой бука суковатой
через горы и овраги
шёл к жилищу Миннегаги...

В этот миг – проснулся он опять:
один... луна... Он начал вспоминать,
и глину ковырять руками,
чтоб сохранить свои виденья,
не утерять, но прямо здесь
пересоздать из этой глины...

И вот он всюду и везде
усердно роет котловины,
и вынутую плоть земли
распределяет прихотливо
по всей округе в виде гор.
Потом устал и сел.

Довольный, гордый,
он смотрит: глина оплывает,
разламывается; из глубины
какая-то большая голова
показывается в лучах луны;
какой-то гад к нему спешит,
елозя вниз из-под вершин,
им только сделанных... и пасть
уже разинул, чтоб напасть.

Вот тут он – впрямь от сна очнулся,
с земли поднялся, чертыхнулся
и вдаль ушёл... Ужасный Кто-то.
Ушёл совсем... А свой кошмар
оставил людям. Щедрый дар –
Плохие Земли, Южная Дакота.

Bad Lands, July 2004

ОСТРОВ АССАТИГ

Туман

В. Айтуганову

Выходишь к морю – берег пуст...
Прибоя нет, волна – лепечет...
Воды и неба – тоже нет,
а есть стена серо-сизого...

И в этом сизом наверху
обозначается, желтея,
окно или, скорей, пятно –
источник света... И второе
пятно – кусочек океана,
вдруг отвоёванный у сизой мути
взглядом... На воде
сидит нелепый пеликан,
совсем как лебедь на пруду.
Поодаль, столько же нелепы,
сидят другие ... Вдоль воды,
по самой кромке
перемещаются две лошади;
потом
ещё подходят семь, нет – восемь.
К пеликанам
пришли советоваться... Неподвижно
стоят и неотрывно смотрят
туда,
где мог бы находиться горизонт,
сосредоточенно и долго.
Потом прикрывают глаза,
и волна
подкапывает тихонько
песок у самых копыт...
Нетерпеливым, людям невозможно
молитвы лошадиные понять...

Вода и небо

Мне океан подкатывал под ноги,
всей тушей волн, убитых наповал
внезапной сушей, оказавшейся – о, Боги! –
непотопляемой громадой. Я стоял
на этой тверди, глядя в даль, и сознавал,
как опрометчива погоня друг за другом.
Упрямо в камень ударял за валом вал...
Быть выше волн... Какая глупая заслуга.

Мне океан подбрасывал под ноги
погибших волн последнюю печаль –
венец их белый, обернувшийся убогим
ошмётком пены, и лишённую ключа
скудную тайнопись по камню и песку...
И сто веков меня влечёт – его тоску
прочесть...
расшифровать...

* * *

Коричневый рассвет над океаном...
Вдали – полоска туч, подсвечена с изнанки.
Пластами
набросаны все охры и горчичный,
кирпично-серый и болотный –
густые приглушённые цвета...
И горизонт, одетый в эту роскошь,
осел и понадвинулся на берег.
В стороне,
 подальше к северу,
 плывущее отдельно большое облако,
внезапно – розовое с алым –
намерено светилом притвориться.
Выше туч –
 прозрачное младенческое небо,
такое тонкое
и нежной отликает бирюзой
едва зеленоватого размыва,
но к западу густеет, становясь
 лиловым (цвет сожаленья о небывшем,
 смирения с неизбежным
 и упоенья тихого – печалью)...

Потом –
багровый свет вливается сквозь щель
меж тучами и морем, точно смотришь
(верней, подглядываешь в скважину замочную тайком)
в утробу адской кухни. Постепенно
цвета бледнеют... Свет слепящий
сквозь тучи пробивается... И вот –
как выстрел –
круглая сияющая дырка выскальзывает в небо.
Свет живой
исходит из неё волнами.
В тот же миг – вторая нестерпимо ярко
выплёскивает острый свет
из ломких стёкол океана... В кухню
теперь не заглянуть (чтоб неповадно было).
Между тем,
неиссякаемый источник в небесах
сдвигается всё выше. Океан,
тем временем, колдует с отраженьем:
текучая слепящая черта
вдруг потянулась к берегу...
И вот –
знак восклицательный явился, опрокинут
в пространствах... Невозможно не зажмуриться.
Насмешка? Или, может быть, намёк...

Ветер

Тень птицы вынесло из моря на песок.
Сгустилась... Материализовалась...
Косила жёлтым глазом... Разевала
скрипучим кличем жёлтый клёв во весь овал.
И – снова тень – поверх барашков невысоких
ушла обратно... Понеслась наискосок,
волны коснулась, стала чайкой, и – пропала...

* * *

Чистка моря. Невидимой шваброй
ветер гонит с поверхности вод
грязно-белую длинную пену;
на песке – за разводом развод.
Чёрный дрозд, некрасивый, но храбрый,
по повадке – хитрюга Скапен,
ищет пищи в скользящих и плещущих
микроскопических цунами.
Он то ковыляет за волнами,
то подлетает и барахтается в воздухе,
когда вода его берёт обходом «в клещи»,
подкатывая с трёх сторон. Невзгоды
смелой птице нипочём... И чайки –
старожилы моря, медленно скучая,
созерцают чужака. А ветер –
всё сгоняет с поверхности вод
грязно-белую длинную пену;
степенно... размеренно... постепенно,
как всё на свете.

Тайна

*...Словно, за горизонтом обрыв отвесный –
пропасть. И пароходы идут, скользя...*

Н. Матвеева

Небо –
так аккуратно и чем-то острым
срезано, жёсткий обруч заделан в край –
купол...
огромный купол, надутый просто
ветром,
раздутый ветром под самый рай.

Море...
 громадным пологом отвисяя,
держит
 тот обруч – держит, чтоб не отстал
обруч...
 И волны скатываются сами
от горизонта – к низким земным местам.

Полог,
 расшитый полог не зря колышет
мокрой
 солёной хлещущей бахромой:
видно,
 за ним скрывается – дальше, выше –
тайна,
 которой страшно себя самой.

Что там,
 за этим пологом в чёрной яме?
Что там –
 за этим куполом голубым?
Пропасть
 с незарастающими краями?
Кратер,
 что извергает огонь и дым?

Тайну,
 скрывает тайну совсем простую,
даже –
 неинтересно на первый взгляд:
нету...
 такого места не существует –
где бы
 коснуться неба могла земля.

Assateague Island, 2001 – 2005

ПОСЛЕ ПЕПЛА

ЯД

Еврей, я еду по земле немецкой,
и хороша она, немецкая земля.
Поля возделаны – широкие поля,
и лес хорош своей осанкой молодецкой.
Не вызывают злости мирные селяне;
и гнева, вспоенного яростью сердец,
и страха – нет. Но никуда не деться
от памяти... И вчуже удивляет,
что столь наивный и бесхитростный народ...
я видел в Мюнхене их девок цацки-пещки –
смешно: у них разврат какой-то ‘детский’
...взял на себя – с такой охотой – роль уроды
кромешного... зверюги, яд точаща с языка...
Родник героев, музыкантов и сибилл...
слова беспомощны – какие музыканты!
умы какие! – гении, таланты
...пропал – безумный Герман душу вздел на вилы,
свою же душу... вопреки природе.
Спокойных фермеров, студентов, работяг,
дельцов и умников, воришек и бродяг –
всех... заманив, вогнали в шкуру изувера
во славу самой добродетельной из вер,
и не теляти (как ядетели мацы) –
стальному буйволу позорно поклоняться
понудили... Усатому паяцу!
И кто! – купцы и прочие... на -цы.
Как удалось?
Что их толкнуло сотворить кумира?..
Гордыня, злоба –
что-о-о?... Они спасали мир.
.....

* * *

Детишкам скучно. То и дело
здоровый детский раздаётся смех.
Ну, для чего это – детей таскать в музей...
Они косятся обалдело
на экспонаты (мрачных) удалых потех,
на фотографии и прочее глазеют...

Тут интересны сами зданья –
включая стены, пол и потолок –
они в таком хорошем состоянии...
Всё так спланировано ловко –
небось, сам чёрт из преисподней приволок.
Тут не потребуется никакой сноровки,
чтоб с ходу (если...) запустить по назначенью
стозевный комплекс...

А пока – таксист
вдвойне запрашивает с некоторых лиц,
дабы доставить их по месту развлечения.
Хороший бизнес – он делец, а не расист.
Маршрут? Один момент... тут у меня страница...
...как хороши-и, как све-е... а вот – Освенцим / Аушвиц.

2004

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЛИССА

АФИНЫ

Афины. Белые Афины... Если
сверху на город смотреть, он похож на великую россыпь
ракушек белых, изломанных мелко и целых. Порою
солнца лучи отражая, остро и ярко блестят,
радуя глаз... Побережье лагуны заполнила россыпь,
также долины глубокие, к морю спешащие между
склонов обрывистых островершинных зелёных холмов...
Всё перепутали бесстрашные воинственные греки,
и даже самое название – как в игре –
звучит на всяких языках как будто не один,
а много городов они построили – Афины,
и посвятили грозной и всезнающей богине.
Воздушный грязно-белый город... Если
в город войти, то похож он на все города – или сразу,
или на каждый в отдельности. Может особо напомнить
Рим – столь же улицы узки, и так же холмист, но покругче
холмы Афинские... Или Париж – лабиринтом проходов:
с первого взгляда нельзя один отличить от другого.
Также приходят на ум помойки Нью-Йорка, но эти –
Афинские – не столь противны: просто грязь
естественная, как другие элементы жизни,
без нарочитости и тыканья в глаза.
А ближе к морю он похож... похож... на Ялту,
на Феодосию... и белые другие городки
в Крыму или в Испании – там, где яхт
и кораблей неодинаковые чётки
перебирают волны, в отдалении запрокинув
косые гребни в белопенных париках, –
большие волны в длинных мантиях...

Афины... Бело-грязный суматошный город
воинственных крикливых греков,
лежащий между невысоких гор
над самым морем... Это море человек
усердно бороздил давно, и с доеврейских пор
в нём находил свою отраду и отраву,
в то море окунал своих богов, капризный нрав
которых не мешал земным затеям:
воевать друг с другом без конца – герои! –
и вот за эти земли, и за те...
Но кое-что, однако, уцелело – россыпь
ракушек белых, что блестят порой
под солнечными жаркими лучами,
сверканьем острым...

Афины, апрель 2006

ЧЕТВЁРТЫЙ ПУТЬ

Тоскливо нищим странствовать по свету –
сурка таскать, шарманку за спиной...
ворча, топтать горбатую планету,

ночуя где-нибудь и стороной
минуя пограничные заставы:
закон везде закон – стена стеной,

а вбок свернул – забор-то дрянь, дырявый...
Куда приятней добрый “шарик” наш
обследовать налево и направо

через посредника – на карандаш
возьмут они заказы и капризы,
Ваш рацион, Ваш моцион, багаж,

и выправят в посольстве Ваши визы.
Вы – только платите. Вам подберут:
экскурсии (включая Мону Лизу),

гостиницы, машину и маршрут,
taxi, билеты, бары, рестораны,
а намекнуть – сговорчивых подруг...

попрóсите – и Вас разбудят рано.
Всё хорошо... Одно не хорошо –
не каждому такое по карману.

Не завидно? Да ладно, есть грешок...
ничуть не стыдно и вполне понятно.
А нет, так нет... Дождитесь, чтоб прошёл

ажиотаж, наметьте аккуратно,
куда приспичило (и почему),
и Вы готовы в путь – на подвиг ратный.

Всё можно обустроить самому.
И Вас прекрасно примут и в отеле,
и в баре... И в музее Вас поймут –

Вы ж принесли... А Вы для них (в пределе) –
доллár на ножках, банковский билет.
Ну что им, согласитесь, в самом деле

до Ваших приключений и котлет?
В бассейн желаешь – уплати и плавай.
А в тех краях – чего там только нет...

ведь Вы теперь в местах, повитых славой.
И Вам помогут повидать в горах,
где белый храм стоял золотоголавый,

руины гордые – забытый прах
времён... Так всё кончается (земное),
и остаётся только на словах –

коль повезёт, и не затмит иное –
да может в свитках отыскаться след.
Руины спят и греются на зное.

Им снится музыка и гул побед,
герои злобные, турниры, битвы,
разнузданные оргии... обед,

где отравили консула, молитвы
не дав окончить... Славные дела –
рассказ о коих удовлетворит Вас

*из уст старательного, как пчела,
и хлопотливого, как белка, гида –
творились тут. Какая жизнь цвела,*

какие подвиги!.. Какие виды
отсюда открывались на закат...
А ныне – камни... пыль... Судьба-обида.

Срываются невольно с языка
слова – увы, пустого – сожаленья.
И смотрят молчаливо свысока,

не видя Вас, в немом изнеможеньи
три – чудом устоявшие стоймя –
колонны ионийские. Движенье

веков неотменяемо. Гремят
со всех сторон убийственные чуды,
и Вас уже не удивишь тремя

колоннами... Мозаики... посуда...
Всё это можно осмотреть с толпой
шатающегося по миру люда.

И есть четвёртый путь – совсем простой –
в грузилище любого парохода
(в любом порту) вродиться на постой.

Куда? А всё равно – такого рода
прогулка не обманет – в никуда.
Природа и везде она – природа,

и море – море... Бросить города,
нанять себе машинку покороче
и неспеша отправиться туда,

куда глаза глядят. И между прочим,
глаза не хуже гида приведут
(нет, нет – мы эту службу не порочим).

Порою Вам отыщется приют
в такой глуши... не сыщешь первозданной,
и там умыться утром подадут,

а с крыши вид – игрушечные зданья
(кафушка, церковка – как гриб во мху)
по склону гор тяжёлых... В назиданье:

забудь гордыню... всё, как на духу...
И снова вниз, у самых скал боками,
и вверх... и вниз... А вечером уху

и жареную рыбу с угольками
Вам поднесут – уже на берегу.
Эх, бросить всё, и – в море с рыбаками...

Но Вы перед собой ещё в долгу,
дежурные лишь посетив руины.
Вы можете увидеть, не солгу,

и позанятней – те, что гор вершины
и склоны их крутые сторожат.
Туда трудней дорога: половину

пути – пешком. Зато... орлы кружат,
и голубь на развалину садится.
А если повезёт, то к Вам дрожа

старуха выйдет – у неё хранится
ключ от базилики, где мог быть ход
в опасный лабиринт или темницу.

Дадите ей монету – отопрёт
дубовые разохшиеся двери
и в темноту уйдёт... и свет зажжёт.

И Вы глазам не захотите верить:
на Божьим Промыслом живых стенах
сплошь – чудо-фрески. Им по меньшей мере

шесть сотен лет... Благоговейный страх
внушают их пророческие лики.
Кто их писал? Какой-нибудь монах

из касты неопознанных великих,
которым ни числа ни званья нет,
а время истребило все улики

их бытия... вот, разве, на стене.
Для предъявления паспорт неудобный –
ни в каталог его, ни в кабинет...

но в небе – размещается свободно.
А сами стены – злая повесть о другом.
Свидетели баталий благородных,

вопят они о том, как став врагом,
друг разрушал воздвигнутое братом,
чтоб на крови поставить храм и дом –

своё гнездо на высоте – палаты,
конюшни, сад... Хороший дом – дворец.
И это всё, грядущим супостатом

всё предано огню... Плохой конец.
Но Плиний, Библия ли, поп-расстрига
и стены эти – горестей венец –

или пиратского обломки брига...
Пергам (его Акрополя гора –
растерзанная каменная книга)

и девять Трой, разрытых до нутра...
Всё – об одном. Конец, увы, типичный.
Но мы замешкались. Давно пора

старушке – в ней от куклы есть тряпичной,
не правда ли – дать отдых. И назад
к машине осторожно... День отличный –

езжай себе, куда глядят глаза,
да помни стены ветхие... Заехать
в места, что невозможно предсказать,

Вас может подтолкнуть любая вежа –
как знать, что ею станет на пути.
Вон в городке на улице – потеха! –

на фоне медной утвари, картин,
узорчатых ковров, лепных амуров
и голых женщин (Господи, прости)

глаз выхватил занятную фигуру –
шарманщик... Крутит ручку и поёт,
а на шарманке – обезьянья шкура...

Ан нет – живая. Хитрое зверьё.
И не глядит, а цапанёт – не мимо.
Старик, небось, не балует её.

Зато она такую пантомиму
иной раз выдаст... Набежит народ –
толпа на зрелища неумомима –

смеются все, орут “ну и урод”
и сыплют деньги (то-то будет праздник
хозяину, и ей перепадёт).

А зверь шапчонку хватить с кого, и дразнит.
Потом – уронит, бросит... позабыл,
и что-то клянчит у прохожих, безобразник.

И вот уж Вы, расслышав зов трубы
в сипении шарманки, в городочке
остались... Над иронией судьбы

рискованно смеяться... Чьи-то дочки –
и часа не прошло – открыв плеча,
одна – с собачками на поводочке...

Ах, ах... Тут – Вы заметили? – включать
пришлось бы в партитуру приключенье,
достойное скрипичного ключа.

Пришлось бы тут, противу правил,
терцинам лёгким изменить,
передовериться октаве,
поймав лирическую нить –
чего, известно, легче нету...
иль хуже – повернуть к сонету
и петь про женское плечо,
влюбиться страстно, горячо,
забыть былые увлеченья,
прижиться в этом городке,
с собачками на поводке
прогуливаться в воскресенье,
молиться Богу, рыб ловить
и вместо водки – чачу пить.

Заманчиво, но –
нет: переключенье
повествованью нанесло бы вред,
нарушив путешествия теченье...

Какое дело нам до приверед?
С шарманщиком в кофейне у стоянки
садитесь на трёхногий табурет

да выпейте. Он будет. Обезьянке –
банан на лапу (может укусить...),
и в путь. Держите руки на баранке –

в горах небезопасно колесить,
особенно во мраке. Постарайтесь
спуститься к морю засветло – вкусить

закатного блаженства... Искупайтесь
пока светло, пока вода течёт
и цвет меняет... А теперь ступайте

в какой-нибудь – для местных – кабачёк,
смотрите, что едят – то и берите
(нетрудный выбор – блюд наперечёт).

Ночуйте, где придётся. В лабиринте
что первым подвернулось – не беда.
Да вот ещё – карманы берегите,

но в драку не вступайте никогда.
А по утрам – что надо Вам? – немного:
хороший кофе, и... глядят куда?

Туда езжайте – круто ли, отлого.
По времени однажды совпадёт,
и в новый порт Вас приведёт дорога

в тот самый час, когда и пароход
готовится к отплытью. В трюм рулите.
Вот отвалил и набирает ход,

а Вы... Вы ж не от Господа бежите,
и не от скуки. Время Вам – дано,
слова теперь ищите, Вы, мыслитель,

покуда Вы (с машинкой заодно)
в китовом брюхе... Некогда Иона,
пророк, вот так прошествовал чудно

на Ниневию – знать, во время оно
по морю пролегал четвёртый путь.
Жаль, случай единичный, и закона

собою не являет, но – не суть.
Я проверял на опыте – метода
работает без сбоя. Улизнуть

от жизни опостылевшего хода
нельзя удачней. Горы... острова...
и человеки – так, без кукловода.

Понятно, люди любят торговать,
приврать, сорвать деньгу... На то и люди –
не роботы, не чурки – существа

природные, живые... Но не будем
от темы удаляться. Скажем, так:
смеркается, край неба изумруден

и гаснет, медленно желтея... мрак
грядёт с Востока, звёзды поджигая.
Прохладно. Обезлюдела корма,

и слабо тянет паровой гарью.
При звёздах как-то стыдно вспоминать,
завалы мелкой чуши разгребая...

друзья и бабы... родственники... мать,
соседи, двор и школьные невзгоды...
пойдут потом утраты донимать –

на то ли существуют пароходы!..
От прошлого, дружок, лекарства нет –
все знают – и... какие наши годы...

Недавнее оставило во мне
дорожные и бакенные знаки.
Мне видится – в кромешной тишине

ночная Троя, силуэты...
и мы... ты – тоже силуэт...
во тьме идём вдоль парапета,
которого, на деле, нет...
и будто бы, покинув Землю,
мы там скитаемся – и внемлем
потусторонней темноте.
Мы – осязаемы... хотеть
от жизни большего – кощунство,
нельзя неблагодарным быть,
когда вдоль прошлого скользить
вам пустили... Опекунство
над нами случай взял, и вдруг
нам разомкнул порочный круг –

тропа...

ночная Троя, тень собаки...
– Ищи, собака, путь... Куда ведут
настилы деревянные во мраке?

Веди, собака... Чуешь?.. Они тут,
нахальные гомеровские тени –
вон... так и остались они под крепкими Трои стенами,
там, где сражаясь отважно, бессмертье и славу стяжали,
грозно во мраке...
блестящими доспехами трясут

из меди изошрённой... Об Елене
тот спор тысячелетний продолжать –
судьба их... На потеху поколениям

друг друга не устанут поражать
прославленные мёртвые герои.
Ты где, собака? Нам с тобой лежать

не светит под развалинами Трои –
не бойся, пёс. Вчерашнего костра
опаснее теперешние – втрое.

Хозяин постоянного двора –
pardon, гостиницы – был озадачен:
чего ловить? не видно ни бугра,

и сверзишься, таскаясь наудачу.
Он был, конечно, прав, когда ворчал,
но где тот конь, что ввозит в миф иначе?

Припомнился и маленький причал,
где греки за вином точили ляды,
и мне казалось – суть я различал,

как тот троянский пёс, что так боялся,
но с языка легко переводил,
а я с ним говорил и забавлялся...

Ещё я слышу где-то впереди
унылого мотива переборы –
похоже, это он... – Ну что, входи,

садись, старик, продолжим разговоры.
Сюда клади шарманку, на настил,
да сверху, на – накрой... Какие воры? –

туман, сыреет. У кого гостил?
...Что – не старик? А кто?.. Преклонный возраст...
Не знаю – Агасфер, Мафусаил –

не знаю, кто ты. Двигаешься бодро,
и всё на свете знаешь, всюду был,
жизнь повидал, а сам – ни злой ни добрый,

как душегуб библейский... ..Гул Судьбы
закладывает уши с перепоя.
Сурка-то всё хотел – не раздобыл?..

...Да-да, людей ругал – мол, нет покоя.
Ну как, надыбал где-нибудь покой?..
...Зачем – как ведьма старая с клюкою?

...Ты врешь, старик. Ведь случай – он слепой,
но сам тебя найдёт, его не купишь.
...Опять Иерусалаим. Ты лучше пой,

а то всё прибедняешься да шутишь.
Сказал бы, что ли, как сюда попал.
По воздуху, небось, на парашюте...

Тут стал он расползаться и... пропал.
Вот так всегда. Особенное племя.
По странам разным, где я ни встречал

шарманщика – поёт и мелет время
да в ящике помол, небось, хранит.
Я думал иногда – какая дремлет

в шарманке этой сила... динамит,
к тому ж они до чёртиков похожи
(ну, правда – сам их облик знаменит),

как братья из одной масонской ложи.
Естественно, мне в голову пришло,
что их и есть – всегда один и тот же.

Вот так и познакомились. Трепло
ужасное, но – складно и красиво.
Шарманщик – не простое ремесло...

...А конь морской, покачивая гривой,
меж тем зарылся в ночь. Над головой
наскучить неумеющие дива

манят и обольщают – там покой.
Да... издали, но не спеши с советом –
вблизи... А ты там был? Ты кто такой?
кто такой...
кто такой...

Топот ног, многих ног – тысяч ног...
шёпот уст – сотен уст, вопрошающих – кто?
Кто,
кто,
кто там такой?
кто,
кто...
кто...
што,
што,
што там за гам?
Толкотня, шум-шум-шум –
как прибой...
Там набат,
там самум –
топот ног.
Топот бешеных ног – мир, мир,
мир,
мир,
мир вам... у-жа-жасно...
рвётся...
продолжа-жа-жаться...
мир без вер,
мир без мер
вер без мер... Оскопление вер,
потрошение вер – беснование рас –
пробил час
час
час
Извержение вер
вер
вер
вер за три ты-
сячи лет
или две
две
две
две
ты ты ты ты ты тысячи лет

лет
лет
лет
лет... А там...
Вицли-Пуцли
воскрес –
крес
крес...

Крест.
Крест крест
крест –
изступ - ление
вер, иступ-
ление вер,
ослепление...
Мир
без всего...
Например –
Cristus!... Re-e-e-ex... Христ.
Христ. Христ.
Христ... Христ.
...и воскрес
в некий
час
страстотерпец-за-нас,
нас
нас
нас...
Держит
мир,
как яйцо,
и –
Лицо...
жалок мир
без лица.
Три гвоздя и бряцание лат
лат
лат
лат...
Лет,
лет,
лет –

не прошло и двух тысяч тех лет, нет-нет-нет –

нет и нет –
нет нет нет...

Ничего.

.....
.....

А конь морской – ковчег, налитый светом –
свой по морю ведёт широкий след.
Красиво... Но, боюсь, уже воспето.

Отрадно плыть сквозь ночь на корабле,
и грустно... сознавать, что путь недолог,
что всё земное подлежит земле,

включая этот плот – оплот, осколок...
что и звездам – хоть им и нет числа –
отпущен срок: бриллиантовых наколок

отмоет след малейший – добела! –
тщеславный день, чуть выбьется из мрака
и зазвонит в свои колокола.

Он суетлив, но выгоды, собака,
своей не упускает. День – делец,
приказчик... но – и вор, и забияка,

весёлый оборванец и певец,
ремесленник, банкир и агитатор...
Раскладывая пригоршни колец,

монет, что отчеканенны когда-то,
обломки серебра и мишуры,
оружье для бандита и солдата...

напитки укрывая от жары
и сорванцов ругаючи сопливых,
ракидывая ткани и ковры

в восточном беспорядке прихотливом,
день помнит – он уйдёт, вернётся Ночь...
Своим происхождением сиротливым –

хоть голову морочь, хоть не морочь –
он случаю обязан... обезьянам...
шарманщикам... и вот – уходит прочь.

А Ночь... она на свете постоянно.
И что за дело нам, пока – в бегах –
мы одисействуем по морю-Окияну

и иставляем белый след на берегах...

Греция, 2007

Золотое руно, где же ты, золотое руно...

О. Мандельштам

Загадка без разгадки...

А. Тарковский

Подниматься к торчащей громадине розовых скал
по неровным, щетиной древесной поросшим террасам –
встретить Сфинкса ночного невидящий взгляд свысока...
В лунном дыме плывущая каменной глыбы гримаса.

По крутым и ступенчатым улочкам узким идти
между стен невысоких и мрачных, как память столетий.
Здесь торгуют сладостями и местным вином... И глядит
в синеву остов башни старинной. И бегают дети.

По широким ступеням спускаться к зелёной воде,
попирая шершавый, веками изъеденный камень...
Пятистопным анапестом важным приветствовать день,
беззаботно флиртующий с розовых лилий цветками.

Мимо дома с крикливым названьем пробраться в толпе,
отыскать тихий дворик больничный, где ход в галлерею...
От реки путь помечен, и можно спокойно успеть,
а внутри... нет огня. И косматые звёзды не реют –

разлетелись. Космический бред их, знать – только предлог.
И свирепо не бьют в борт смолёный гривастые волны.
И в пространствах... безумных от звёзд...

расточился задёрганный Бог.

И Улисс воротился, утраченным временем полный.

2007

РИМСКИЕ РИТОРИКИ

*...где же огромный древний Рим?
Гоголь*

Нет, никакого Рима нет.
Есть самозванец в ризах пляшущего мима,
укравший имя и налёт неповторимый
величия, свойственного Риму давних дней.
Есть ночь, униженная скопищем огней,
столпы, развалины, ущербины в стене,
колонны, пальмы, кто-то медный на коне...
...и есть останки Коллизея... Рима – нет.
Теперь – кто видел Рим?

Никто не видел Рима.

Безумный мим, он раскопал свои могилы,
и оградив решёткой шрамы старины,
все без разбора – лишь бы сделались видны,
он пляшет на крови пока достанет силы.
Всё на продажу – от колена до спины;
и никакие предсказания не страшны.
Прозрачно всё – и прах земли, и плоть стены –
всё... Неразменны только – ледяные сны
веков, осевших бестелесным илом...
Да полно, был ли Рим? Что – было?

Был – город гордых и воинственных людей,
что предавались ремеслу и виноделью,
дань отдавая то разврату, то веселью
(там – Сатурналии, тут – Мартовские Иды).
То греков грабили беспечно – от безделья,
а то всердцах шли наносить обиды
соседям...Мрамор резали – и строили дворцы,
обломки коих раскопали днесь...
Вожди. Философы. Солдаты-храбрецы...
Кто перепутал им величие и спесь?..

Так, это правда – Рима нет.
Хоть двадцать лет спустя, хоть даже сорок.
Но – остаётся как непобедимый морок.
Ужасно жаль, что никакого-рима-нет.
А может, мы выдумывали Рим –
тот, самый первый, гордый Рим воображенья,
Рим-призрак?.. Тот, что мыслился – сожженье
всех кораблей... И отказаться – не хотим?
Или не можем, ибо блажь необорима,
и нам – до обморока – не хватает Рима.

Сегодня Рим – как чудо-юдо рыба-Кит:
сквозь шкуру лопнувшую сломанные рёбра
торчат вовне... кругом на шкуре лес стоит
домишек, храмиков... река течёт – канальчик...
Великовозрастный какой-то Мальчик-с-Пальчик,
вон, даже выстроил в сторонке небоскрёб,
когда в кармане белых камушков наскрёб:
мол, надоело, хватит Вашей красоты...
Вот Рим, а речка – Тибр, и по-над берегом ракета.
А через Тибр ведут мосты, висят мосты...

Что, интересно, было б, если б Кит,
очнувшийся от спячки, как от комы,
решил, что далее страдать от насекомых
резона нет, тем паче – алчностью влекомы,
и шкурой дёрнул всем увечьям вопреки?..
Вот был бы – Рим!
Что если в толще, в глубине он невредим
и полон мощи древней, ярости и гнева?
Ему, возможно, покровительствует Геба...
Тогда мосты могли бы стать незаменимы,
в тот день и час, когда опять настал бы Рим...

Рим, 1982 – Нью-Йорк, Прага, 2005

* * *

Предгорья Альп. Цикады. Сухо. Жарко.
Двугорбый холм расплавил в небе свой
ленивый контур... Тишина, покой...
И – домик. Тут когда-то жил Петрарка.

Исправный дом, и даже цел балкон –
излишество нежданного подарка.
Вот тут, под сенью, старенький Петрарка
мечте своей вверялся целиком,

глядел на холм, и вспоминал, что было,
и плакали бумажные листы.
О, эта боль... Она всё та же – не остыла.
Потом... Тут по соседству есть могила,
гробница есть. И надпись на стене.
А в глубине –
там пусто... Ничего в гробнице нет.

Арко де Петрарка, 1982

.
.
.
.

Всё так меняется за двадцать с чем-то лет...
И только море – всё по-прежнему Теренское –
в туман оделось, но ничуть не постарело,
а всё меняется за двадцать с лишним лет...

Остия (Рим), 2005

МЕКСИКА. КУРОРТ.

* * *

Султаны пальм в тропическом изнеможеньи
кольшут воздух веерами длинными,
ребристо-гибкими – как перья страусиные.
В сомнамбулическом над рифами скольженьи
так плавниками помавать могли бы
вуалехвостые чудные рыбы...

Метёлки пальм сметают облака,
что в ранний час пасутся в синеве.
Из-за спины залива прилетает пеликан –
кайло с мешком на маленькой гусиной голове,
за ним второй... Скользят вдоль пены, не снижая ходу,
и рядом с нами – плюхаются в воду...

Ошмётки пальм рвёт и раскачивает ветер,
Всё почернело, скрылось – как и не было на свете.
Большие сполохи высвечивают гор
и туч причудливые дикие узоры.
Вдруг... в черноте – сияющая борозда,
и с треском взламывает тьму раскатистый удар...

...Всклооченные пальмы треплет бриз,
и новым блеском синева лучится,
парит фрегат – диковинная птица...
Мир воротился в декорациях зари.
И мы сидим на берегу безмолвны,
пространством и временем полны.

Пуэрто Вайярта, 2006

ЧЕРЕЗ ПАРИЖ

* * *

Дождь кормит рыбок в каждой луже,
потом – натягивает туже:
простужен Нотр Дам, Монмартр простужен.
и даже в ресторан на ужин
никто не рвётся... Почему же
всё сгнуло в поганой жиже?
Затем, небось, что я – в Париже...

* * *

В метро сидят интеллигентные клошары,
весь свой *siggiculum* печальный начертав
на грязной плохонькой дощечке. Неспеша
проходят мимо – и, понятно, не читая –
на них глазеющие праздно иностранцы,
а парижане и не видят на бегу
осточертевших слов – зачем? – ненужный страх.
Те и другие подают, увы, не густо...

ПРАЖСКАЯ СИНФОНИЯ

ПРОГУЛКА
(этюд)

Andante

Старый Город прочёсывать шагом размеренным.
Толчею миновать потайным закоулком.
Погостить в холодке у знакомого дерева
перед хмурым собором в игрушечном сквере.
Завернуть в ту кофейню, где свежими булками
вкусно пахнет в любую погоду,
разрешить себе кофе – «напёрсток» – для бодрости...
– Dobrý den. – Dobrý, paní... Děkuji.

И – ходу:

можно к «Тынской» – открыто, и мало народу...
мимо рынка, пожалуй... чего там в обход брести...

И-и-и –

назад... сквозь город, пробираясь переулками...
дуреть от воздуха, на крепкой старине
сто лет настоянного двориками гулками...
тут влево... так... и – к башне... из проходика в стене.
Ах, Прага, Прага... Злата Прага. Стара Прага.
Всё – так, как было. Ничего не перешиито.
Идёшь, глаза... глаза... Что это? –
звук?..

Со дна оврага –

прозрачно-чистое,
тягучее,
невыносимое стенание души.

Туда...

и вот на площади, точней, на перекрёстке
у рынка, прямо на дороге –
индеец... ?!. Чёрный «хвост»,
куртёнка с блёстками,
лицо страдальчески наморщено,
глаза закрыты,
но движенья – строги...

...и эти дудочки без клапанов...

...и эти звуки без начала...

Вот так Сиринга-дева плакала,
когда в ней вечность зазвучала.

...А может, ты тоскуешь, старая?
Неужто – стон свирели раненной...
Что толку будущее вспарывать,
чтоб заглянуть в него заранее?
Да будь и шестикрылый вестник,
и вот – уста его немотствуют:
он сам тростник в плену древесности...
А за углом – гуляет Моцарт.

НОЧНОЕ
(прелюд)

Adagio

Проснешься ночью – свет не зажигай:
спугнёшь ночную птицу...
не та, что днём, другая:
ей не нужны глаза – слепая,
она умеет приютиться
на самой дальней ветке сна...
она чудные сказки знает
и говорить их не боится:
про берег, где живут слоны...
про город башен и весны...
про камень голый, бел-горюч...
про остров лёгкий и пловучий...
про царство ласковых химер...
как жил на свете землемер...

Простые вещи ей видны
с обратной стороны Луны.
Проснёшься – глаз не открывай:
быть может, заглянуть за край
тебя возьмёт слепая птица.
Спугнёшь её – не возвратится:
злопамятная. Так и знай.
Проснёшься ночью...

ГУЛЯНЬЕ

Allegro

Людское море. Прага... Волны суеты.
Стоглавый град – тысячелетний вьюнош:
блеск, гомон, голые мелькают животы,
кругом веселье, у прохожих интервью
берут какие-то небритые посланцы
(кого – неведомо), в витринах – золотые
мерцают украшения, Nagi Rama, танцы,
колбаски, пиво, замечательно поют...

 Всё нараспашку – покупают, продают.
 Пупок Европы. Всюду иностранцы,
 невероятный лимузин,
 а на Парижской – магазин
 (так и Америку догонишь тихой сапой...).

...соборы, музыка, в подвальчике – вино,
девицы, ратуша, театры, casino,
вот ресторан, а вон отель – уют, богато.

 И надо всем этим котлом – дразнящий запах –
 хрустящих денег, свежих, аромат.

...И разлили у нас, люли, у нас гулянье.

Дедушка, дедушка, дай орешка,
дедушка. Орешка – дай.

А нет коли орешка нам,
твой тулуп – головешками...

А вот ещё сидит – другой,
согнулся дугой,

асфальт головой буравит,
что ли Бога славит.

Всем – поперёк, но не заденет
его никто. Он просит денег.

Он хочет есть и хочет денег.

А там – вон – четверо в пальто
стоят и дуют, кто во что.

Играют джаз, играют джаз,
толпа глазеет – играют джаз...
На Старой площади – веселье,
и все покупают, кто что смог –
горячий чай и сладкий пирог.
Немного в сторону от толпы,
вверх по Железной у театра
(карниз, балкон, лепнина – арфы)
стоят три девушки слепых
и так поют, непринуждённо и умело,
поют старинные напевы *a capella*...
... И тени тех, кем Прага хвалится, гордится,
их обступают, им лишь видимы одним,
(прозрачные – слепым... они сродни...)
и слушают, и наклоняют лица...
И смотрят тихо с высоты
на суету и мельтешенье
высоких храмов строгие кресты
и их простые украшенья...
.
А тот всё сидит – в бараний рог
согнулся... А вот – пирог,
горячий кофе, глинтвейн, шоколад.
А там – опять играют влад...
На Старой площади веселье-карусель,
огонь зажгли – как новоселье.
У нас веселье, оркестр играет,
гуляет Прага... Прага – гуляет...

ОТШЕЛЬНИК
(маленькая fuga)

Там люди бледные живут томясь...
Р. М. Рильке

Lento

Я не владею даром убежденья,
и не страдаю даром прорицанья.
Я сам себе напоминаю привиденье,
обуреваемое духом отрицанья
и одержимое идеей воплощенья.

Что отрицать?

Предгробный мир, что отрицать...
...что жизнь – не миг, который суть начало Смерти...
...сам факт наличия и тела и лица...

Но что-то тянет затесаться в круговерти,
и белым призраком являться и мерцать.
И что-то плавится в недышащей груди –
желаний, мыслей обескровленные тени...
что было – было ли? – осталось позади...
Что ж гонит прочь его из стана привидений
и побуждает белым пламенем бродить?

Его не мучат угрызенья и укоры,
на нём нет бремени возмездий и обид,
зазря не рвётся предвещать, что станет скоро...
И лишь на Западе души его горит
всё то,
 что Смерть одело саваном позора.

.....
.....

Душа больна базедовой болезнью –
одни глаза... Не помогает тьма.

А воплощенье...

тем больней, чем бесполезней.

Сгорает дух в ночи, свихнувшейся с ума.

Лекарства – нет.

Прибой часов на слух железной,

чем *сабель* звон и звяк лопат...

Наш мир железными игрушками богат,

...когда он сам не есть игра воображенья,

глубинной тайны вседоступный суррогат...

богат металлом – едкая закваска для броженья

ума в угаре поиска, в пылу сраженья,

...металл туда, металл сюда – на сбереженья,

волшебный Ключик – золотой, от Благодати...

чтоб претворить свирепый этот маскарад...

Стой... что – во что? С какой же стати

сначала выдумать орудье разрушенья,

а следом – всё, что тем орудьем разрушать?

мол, суть загадки – в побуждении разрешать?

Нелепость, хитрые ходы самовнушенья.

Но... весь наш мир – хоть обойди его ногами...

он – пуст... Что в нём? Реклама цирка и владенья,

да нескончаемые споры о Богах

...а *сами Боги* вечно судятся с Богами...

Так есть ли смысл

в бессмыслице доискиваться смысла?... ..

Того не стоит. Оставаться привиденьем,

являться изредка...

И – числиться в бегах.

ДВЕ КАРТИНКИ

Allegro moderato

Идёт – оборванный, один – среди камней,
за шею скрипочку ведёт, «идикомне»
ей говорит. А скрипка – об одной струне...

Светло – ещё или уже? – не свет, а тень.
Кругом дома, дома... Нет, лучше – зданья,
тома домов... Всё камни старого издания:
не внятн смысл, но вероятно, в назиданье
оставлены до скорого прочтения.

...струна за скрипкой – как ползучее растение.
И мостовая
играет фугу на пустой струне.

* * *

Adagio

Блестели кнопки. Шарф мешал. Рука дрожала,
как от смущенья... Фото для журнала:
рука на пульте, всё – из кожи и метала,
над колесом – её чудесное лицо.
...Ах, Боже мой... зачем?.. за что?.. устала...
чего им надо от меня... в конце концов...

А на соседней колеснице существо –
наставница. Глаза – как сливы,
уверена, развязна, говорлива,
(торчат, как сучья не покрытые листвой,
ступня в ортопедическом ботинке
и ручки 'naïve kunst', как на картинке:
на месте пальцев – растопырки в маникюре),
а тела – нет почти... Какой-то сюр,
так не быва... Она... Её нарисовали дети!

.....
Табличка на стене – в метро не курят.
.....

Да перестаньте, чёрт возьми, на них глядеть.
Живут на свете...

ПРОРОК

Allegro non troppo

Не с тем уходили в пустыню
пророки, чтоб плоть истязать –
уместнее им вопияти,
где нет ни избы, ни версты,
где воздух упруг, но не душит,
где полночь их сердца нежна...

Последним наркотиком знания
отравлен пророческий дух –
колбасит пророка, картошит...
Дугой изогнулись послы...
– Не нужно. Здесь голос мой слышен
сквозь синего неба картон.

ГОРОД

Lento

Четвёртый час утра. Ни человека, ни мотора.
Бессонных окон – можно поискать.
Всё урезонилось – любовники и воры –
движенья нет. Как в ожиданье приговора
дома задумались. И стынут вполкивка
два – над подъездами лепными – козырька.
Тогда выходит на свиданье город.

Он символичен, как иероглиф Зодиака.
Он нелюдим, и на прогулку в час ночной
двухвостый лев за ним ступает как собака.
Он – как вода: всегда и всюду одинаков,
он, как вода, в любой момент совсем иной,
и башни строгие проходят по одной,
смущая тем, что выглядят двойко.

Он выступает, как утёс, из темноты –
большой, изрытый впадинами мрака.
И панцирь каменный украсили цветы
массивных храмов... Великанские черты
вбирает ночь – в залог мистического брака,
и оставляет, уходя, автограф свой
в зернистом отблеске бульжной мостовой.

ПУТНИК

Райэну П., пилигриму

Allegro sostenuto

Проходит путник через Прагу
походкой лёгкой и весёлой,
хотя болят устало ноги.
Он синеглаз, а брови белы,
русоволос, русобород.
Как Уленшпигель, он идёт
и без дорог, и вдоль дорог,
идёт давно, а путь – далёк.
Мешок заплечный, лёгкий посох...
Не счесть веков, что отшагал он.
Всё продолжает верить людям –
такой чудной весёлый путник.
Ему – сказал он – тридцать три,
пешком идёт – ослицы нет.
Он не вполне уверен сам,
зачем покинул Эльсинор.
Он разговаривает с Богом
своим особенным манером,
пьёт молоко, ест хлеб и смоквы,
и никого не судит вовсе.
Своей дорогой он идёт.
И вот – он Прагу миновал,
идёт всё дальше... Горизонт
тихонько следует за ним.

Прага, 2004 – май 2005

В РОССИИ 30 ЛЕТ НАЗАД

ВРЕМЕНА ГОДА.

I. Лето. Прелюдия и фуга.

Andante.

Небо навзничь - сожжённой спиной
Опускается в собственный зной,
Нескончаемый зной проливной -
До желта обожжённой спиной
Опрокинуто в каменный зной.
Небо падает птицей больной...
Этот жёлтый назойливый зной -
Как волна, как волна за волной,
Всё обникший слепой пеленой.
...И горбатый огарок хмельной,
Весь - мечтанье о тверди иной
Окунается в медленный зной.

Largo

Медленная поступь у верблюда,
Очень широка пустыня.
Синее эмалевое блюдо -
Выщербленная святыня.

Краски от жары линяют резво -
Сделались они белёсы...
Долог путь верблюда до Хорезма,
Ладно, что воды не просит,

Царственной осанки не меняет.
Грустны лишь глаза верблюда.
...Головы от солнца заслоняя,
Путники дышали худо.

Ночь их укрывала душной шалью,
Зноем истомленных за день.
Зноем им в лицо пески шуршали,
Зноем погоняли сзади.

Многие препоны по дороге
Ласковый Аллах чинил им.
Тяжело идут верблюжьи ноги.
Высушил песок чернила.

Ветер недосказанную повесть
Косточками белыми допишет:
В ласковых песках покоясь,
Сладко тишину услышать.

Сладко грезят в воздухе нагретом
Вставшие веленьем феи
Длинные сквозные минареты.
Гнутые верблюжьи шеи.

Пряности и сладости Востока,
Синих куполов мерцанье,
И одно, особенно жестоко
ясное воспоминанье...

В мудрости своей
великодушный
Попустил Аллах: безумие жары
Вынести, и в час давно ненужный
Постучать рукою непослушной
В старые ворота Бухары.

II. Октябрь. Два музыкальных момента.

Allegro.

Опустело и снизилось небо.
Полетели белые мухи -
К воцаренью хозяйки, старухи,
всё устроить... Чтоб белы и сухи
были службы, хоромы и мебель.

Поубрать, поскрепить морозцем,
посодрать лоскутья цветные...
Лето кончилось... В доме отныне
потекут черно-белые сны.
Лишь холодным залогом весны
стынет в зарослях красная россыпь.

Дует ветер. Природа взбесилась.
Облетают цветные лоскутья,
черно-белую грубую суть
обнажая - решётчатость прутьев...
Небо снизилось
и покосилось.

Adagio.

Серым утром
листвы облетающей -
плоти лета, редеющей, тающей, -
грустен вид.
Серый воздух кровит.
Лист пятнистый, скиталец всезнающий,
с ветки, мирно и мерно кивающей,
прямо в душу упасть норовит.

Серым марлевым утром подшит,
день о чём-то запретном молчит.
Лишь горит в пустоте, подступающей,
лёгким счастьем кленовым облит,
поздний факел...
И сеет, ласкающе,
в воздух копоть листвы облетающей.

III. Зима.

Andante.

И вот - зима...

Вневременные краски

в пустое небо выгоняет день,

так неожидан и морозно-ласков...

Всё, что наследовал для “завтра” от “вчера”,

он всё беспечно отдает им во владенье,

пока рассвет. Но... всё забудется. Нигде

потом не считаешь пояснений,

что вот - был день такой-то... не во сне...

доверчиво

на легкий снег растенья

малиновые опускали тени.

На лёгкий снег...

Ещё от собственного веса не устал,

ещё не проклял тяготенья,

весь сплошь нетронутый,

подсвечен изнутри

какой-то невозможной темнотою,..

... и прорастала в нём такая пустота,

что сам казался он предвечной пустотою.

В нём крылись три предчувствия: зари,

ночей морозных, лунной казни.

В нём слышался весенний праздник

И гибель нежная от ласки и тепла...

А день - лишь день. Природа не дала

ему особого какого-то значенья.

Как дни другие - звенья, звенья...

И вот уж растворяет тьма

короткое его служенье.

Пришла зима.

IV. Март, прощание.
(прелюдия и fuga)

Andante.

Ещё по-зимнему глубок и строг,
Ещё и зеленью разнузданной не залит
(в начале весь, ещё совсем в начале)
Весенний лес...
И строк его настрой
Торжественный, как в зале.

Сверхбелизна берёзовых стволов
Напоминает не о снеге даже
(о, торжество весенне-зимней распродажи!),
Пожалуй, - о мечте, непрочной, как стекло,
Невыраженной, карандашной...

Allegro moderato.

На талый город опускается туман,
шалит на улицах шарманщиком в отрепьях.
А небо - серое, сквозь голые деревья:
зима кончается... Кончается зима.
Повсюду грязь - весна неряшлива. Прошло
обряда белого роскошное убранство.
Каких надежд, каких раскаяний послом
идёт шарманщик в драном плащике туманном...
Тень обезьянки, ошалев от реверансов,
по стенам скачет –
рожи корчит,
по лужам скачет –
зубы скалит,
по лужам скачет – провожает
зиму...
... Она была – как первородный стих,
как белый грех,
как белый парус, истлевающий в тумане
вдали. Вдали. Махнув метелью на заре,
она ушла... Она придёт ещё, шарманщик?
В какой-то день, когда шуга стоит по рекам,
она придёт, покроет белым срам земли.
В какой-то день... Ударит белый свет по векам,
и запылают парусами корабли...

Всё совершилось неожиданно. Коротким
вдруг оказался бесконечный зимний век.
Как накатило – скоротечная чахотка.
Земля прожорливо мечтает о траве,
И влагу мутную старательно глотает...

Уже по городу хозяйничает дождь.
По лужам скачет –
 землю топчет,
по лужам скачет –
 мусор моет,
по лужам скачет – машет,
 зиму провожает.

И шум автомобилей пролетающих,
тетрадь асфальта – мокрую – листопающих,
похож на шелест мокрым ветром полных рощ.
Когда по городу расхаживает дождь,
И небо – серое сквозь голые деревья,
туман колдует хитрой льдинкой недоверья,
лишает улицы законной перспективы:
дома плывут, сползают крыши криво...
В ночи шатается над улицами дождь
И опускается к утру
на площадь...

АЛТАЙ (зарисовки)

* * *

Сова кричала голосом котёнка
Протяжное и горестное –
“спи-и-и-ишь”,
И вторила ей жалостно и тонко
Ночная тишь.

А ночь перелетала в тёмных кронах
Большими взмахами неслышных крылий,
И слепла в озареньях оголённых,
Когда зарницы в толще неба рыли
Дрожащие проходы...
Дождь ступал
По листьям и траве походкой ломкой.

И ночь кричала голосом котёнка,
Которому на лапу наступили,
Короткое испуганное –
“спа-ать”.
И отвечала птица...

* * *

На Алтае, на Горном Алтае, –
когда затихает ветер –
тишина... Тишина такая,
какой не бывает на свете.

На Алтае, на Горном Алтае –
при полном луны расцвете
горы кружатся, приседая
(чего – не бывает на свете).

И –

горы плавают, в лунной луже
омывая свои громады,
но на танец на их снаружи
не смотри. Не смотри. Не надо.

Околдуют, обманут, обнимут
лунным газом неслышнотканным,
и навек ты останешься с ними -
Гулливер в стране великанов.

На Алтае, на Горном Алтае,
когда набухает ветер,
всё сгибающий – всё на свете,
ты пойдешь... А потом растаешь
сизым облачком в сером свете...

В час, когда набухает ветер
на Горном Алтае...

* * *

А на вершине – прыгают кузнечики,
И птенцов выводит куропатка,
Обитает всяческая нечисть,
Укрываясь в каменистых складках.

Жизнь идёт как и везде на свете.
Зори и закаты хороши.
Только ветер –
там всё время дует ветер,
жёсткий ветер горных вершин.

1979

ПЕРЕЛУЧИ

I.

Я, право, был несправедлив.
Не зря, не зря Страною Див
Назвал поэт сии места.
Тут голубая речка Мста
Течёт извивисто, но строго,
Хоть от порога до порога
Подать рукой (и вспомнить Бога).
И берега её крутые
Одеты бором –
глухомань,
И мхи седые – завитые,
И сосны бледно-золотые
Под ветром стонут и шаманят.
А то и вовсе берег крут:
Сперва обрыв, потом ступени
(но сосны всё-таки растут),
И по ступеням – в брызгах, пене –
Из карстовой земной серёдки
Во Мсту ныряет Понерётка.
А чуть подальше – глухо, глухо.
И даже тягостно для слуха:
Изомшелая и цветная,
Вся из лепетов сплетена,
Давит на ухо тишина.
И горит-горит на воде
(ночь ли тёмная, бел ли день –
лишь бы ясные небеса)
Кристаллическая полоса.
Или вдруг –
всё в белом – дерево
Стоит себе на берегу,
совсем забывшее, что осень.
В цвету ли, а не то – в снегу?
Но продерёшься – плодоносит...

А ветер белый пух уносит
И – ненадёжный письмоносец –
Позабывает на воде.
Ну, что же делать...
Что ж нам делать?
Размытой синьки синева,
И солнце щедро заливает
приятным жиденьким теплом
(прошу, октябрь!) травы стекло,
остатки листьев по кустам,
деревья, избы, цепь моста...
Заворожённые места.

II

Не золотая осень...
Не русая стерня.
И лист, не медный вовсе,
ложится, не звеня.
Во мху – не седом, не зелёном –
статуэтки
замёрзших грибов.
Сухие сосновые ветки.
И солнце течёт удивлённо
с нежёлтых сосновых стволов.

III

Час, когда за лесом гаснут сутки,
выпущенный дню наперерез...
В небе от заката угоревшем,
самолётик – чёрненькая утка
тянет бело-розовый разрез.

IV

Лист
падает на землю, на траву
со стуком.
С шорохом поверх ложится снег.
Совсем разный звук...

V

Стоять в лесу, одетом инеем,
И остывать... И остывать...
Крыла не двигать исполиньего,
И позабыть про острова.

Стоять в лесу обиндевелом
И слушать шорохи и стуки.
И водоросли сосен белые
Возьмут неслышно на поруки.

Стоять, стоять... Покуда розовый
И невозможный свет
Не отразится в тихом озере,
Покуда вечер,

И мороз колдует инеем,
Пришельца не таясь,
Не шевелить, не трогать крыльями –
Стоять...

1976

ТОЛЕДО

Завену Парсамяну

В серокаменной хламиде,
плечи к небу приподняв,
ничего не даст увидеть
Старый Город среди дня...

Среди дня поток веселий
заполняет до крёв
улиц узкие ущелья
и углубины дворов.

Сто наречий, говор разный –
от ворот и до ворот,
и сметает все соблазны
удалой людоворот.

...Кофе, сласти, сигареты,
горы твёрдой ветчины,
и поддельные предметы
беззащитной старины,

прорва разного оружия,
андалузских вееров,
и портретов неуклюжих
(кисти старых мастеров),

репродукции Эль Греко,...
синагога,... вязь стропил...
Нет такого человека,
чтоб чего-то не купил!

Фея розничной продажи
так и пляшет нагишом,
совращая всех, и даже...
Но – не стоит: день прошёл.

Сводник-вечер в шарфе драном
сходит медленно с холма,
и толпа по ресторанам
растекается впотьмах –

пить Риоху, есть печенья,
женщин чем-нибудь дарить,
чтоб дневные впечатленья
растворить и – позабыть.

Дело к ночи... Рынок умер,
взявши двери на засов.
Невозможный днём при шуме
прохрипел удар часов.

Если выйти в эту пору
и куда глаза глядят
побрести сквозь Старый Город
без задачи – наугад,

доверяясь ощущенью,
пробираться вдоль стены
через тесные ущелья
улиц, полных тишины, –

из-за башен, из-под арок,
от подножия гряды
донесётся – как подарок –
неумолчный шум воды.

Он мешается, чуть слышен,
с эхом медленных шагов...
Острый верх торчащей крыши...
Грозный отсвет облаков...

Серый камень, мокрый камень...
Спят людские все огни.
Черепичными глазами
смотрит Город сверху вниз,

а потом – за поворотом,
за решётчатым крыльцом -
смотрит в четверть оборота
сонно-каменным лицом:

чуть надменно, чуть свирепо,
через толщу злых веков...
С неба – на реку и крепость –
резкий отблеск облаков.

Тоledo - Нью-Йорк, 1998